

Поэт, литературный критик. Живет в Москве (Россия).

Александр Карпенко

«Поэт — сплошное ухо тишины...»

(о поэзии Александра Кабанова)

Опубликовано в журнале Дети Ра, номер 6, 2014

Александр Карпенко — поэт, прозаик, эссеист, ветеран-афганец. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века. Закончил спецшколу с преподаванием ряда предметов на английском языке, музыкальную школу по классу фортепиано. Сочинять стихи и песни Александр начал будучи школьником. В 1980 году поступил на годичные курсы в Военный институт иностранных языков, изучал язык дари. По окончании курсов получил распределение в Афганистан военным переводчиком (1981). В 1984 году демобилизовался по состоянию здоровья в звании старшего лейтенанта. За службу Александр был награжден орденом Красной Звезды, афганским орденом Звезды 3-й степени, медалями, почетными знаками. В 1984 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, тогда же начал публиковаться в толстых литературных журналах. Институт окончил в 1989-м, в этом же году вышел первый поэтический сборник «Разговоры со смертью». В 1991 году фирмой «Мелодия» был выпущен диск-гигант стихов Александра Карпенко. Снялся в нескольких художественных и документальных фильмах. Живет в Москве.

1. ЦИНИК И РОМАНТИК

Я думаю, русская литература должна быть благодарна Александру Кабанову уже за то, что он подвел виртуальную черту под развитием большинства литературных направлений отечественной поэзии конца XX века: концептуализма, метаметафоризма, постмодернизма, куртуазного маньеризма и др. В самом деле, он словно бы высветил, выставил напоказ недостатки вышеперечисленных направлений — и сейчас человеку, прочитавшему Кабанова, уже труднее говорить в восторженных тонах о стихах Пригова, или Парщикова, или, скажем, Степанцова. Потому что очевидно: Кабанов, как поэт — лучше. По сравнению с синтетическим Кабановым все вышеперечисленные поэты, а также их сподвижники, представляются словно бы далекими предшественниками.

Я не знаю, изучал ли Александр Кабанов специально все эти «измы», или же на него, как говорят, «снизошло». Но факт остается фактом: взяв понемногу отовсюду, он показал миру новую гармонию, завершающую искания предшественников, которые выходили подчас за пределы поэзии и которым как раз этой гармонии, чувства врожденного, а не благоприобретенного, и не хватало! «Мы все учились понемногу — чему-нибудь и как-нибудь». Есть души, в которых противоположности сходятся — для обретения новой гармонии.

Просто поэтом можно стать. Поэтом с Большой Буквы нужно родиться. Это так же истинно, как то, что дважды два — четыре. Если допустить, что у всех ведущих поэтов, пишущих по-русски, равные технические возможности, на первый план выйдут чисто человеческие качества, составляющие сущность натуры поэта. Я думаю, что Пушкин превзошел своих современников-поэтов не столько точностью слова, сколько величием замыслов и разнообразием своего дарования; это был человек, равно любивший и почитавший и царя, и его заклятых врагов, декабристов. Его гений был универсален, и

потому — всемогущ. На него, проказника, нисходили порой глубокие озарения. Да, из его лирики нам сейчас интересны 15-20 стихотворений, не больше. Но его пьесы, его сказки, его афоризмы, разбросанные тут и там, по-прежнему современны.

Я не случайно заговорил здесь о Пушкине. Именно чувство объемности сказанного, гармония внутреннего мира роднит Пушкина с нашим современником Александром Кабановым. Правда, мера эта разная: если Пушкин, как поэт, является олицетворением «золотой середины», то Кабанов, постоянно зависая «по-над пропастью», когда малейший шаг в сторону — фальшь, всякий раз умудряется этот шаг не сделать. Иногда читаешь его стихи — и подспудно ждешь, когда же он сорвется, сорвется — без неприязни к поэту, а, наоборот, с замиранием сердца...

И вот однажды мне показалось, что он таки сорвался... Правда, не эстетически, а... политически. Это были пресловутые «журавли табака», которые снились мертвому поэту Гамзатову. Эти кабановские строки показались мне верхом цинизма. Но для самого Кабанова это, возможно, была кавалерийская атака на чуждую ему эстетику — надмирный советский пафос. Хотя добивать мертвого льва — вряд ли является делом чести. Лучше уж схлестнуться с живым тигром... Возможно, я ошибаюсь, и не пафос был главной мишенью Кабанова, а только желание пошутить над классиком, пусть и ушедшим, и, таким образом, почувствовать себя равным классикам прошлого. Ибо такую же шутку Кабанов выкинул и с Набоковым, как известно, излишним пафосом не отличавшимся...

Но все эти «фокусы» прекрасно вписываются в образ Кабанова-хулигана. Хотя шутки Кабанова порой, образно говоря, «ниже пояса». Это похоже на то, как Есенин кричал, «снимая с Христа штаны» (поэма «Инония»). Но сила Кабанова-поэта такова, что мы охотно прощаем ему «солдатские» прегрешения, как давно простили Есенину его нападки на Христа. Ведь они хулиганили исключительно ради чувства свободы!

А вот как сам Кабанов рассматривает поэзию:

Поэзия — предательство рассудка,
Одним — жена, всем прочим проститутка.

Я уверен, что над сегодняшним Кабановым «поработали» и Бродский, и Мандельштам. Замечательное послесловие к книге «Крысолов» делает честь Бахыту Кенжееву. В самом деле, пропагандировать творчество более яркого, нежели ты сам, поэта, дорогого стоит! Вспоминаются неуклюжие попытки Евтушенко объявить своими преемниками поэтов гораздо более низкого уровня. А вот Бродский, наоборот, объявил своим учителем Евгения Рейна! И эта маленькая семитская хитрость достойна восхищения! В самом деле, постоянно солировавший в компаниях, прискорбно не умевший слушать других, и, потому, совершенно неспособный быть ничьим учеником Бродский захотел немножко отогреть в закатных лучах Нобелевской славы друга своего детства, и это ему вполне удалось!

Я думаю, большие поэты идут своими, еще нехоженными тропками, и любое

«ученичество» такого поэта выглядит притянутым за уши. Это раньше древние греки учили приходивших к ним юношей философии и мужеложству: других университетов попросту не было. В скульптуре, в силу сложности ремесла, подчас необходима «школа». Но говорить в рифму, слава Богу, человек в состоянии выучиться сам. Нужно только поработать над своим духовным уровнем — но это может сделать и свита поэта: родители, друзья, книги. Если, конечно, повезет с окружением. Тем не менее, поэт в состоянии учиться сам — читая нужные, «развивающие» книги, общаясь с незаурядными людьми. Сомневаюсь, что у Александра Кабанова были какие-то конкретные учителя стихосложения.

Я был весьма удивлен — и обрадован, что циник Кабанов оказался к тому же и романтиком. Судите сами:

Иду на дно — и преданно шепчу:
Ты, женщина, женчужина, женчу...

Вот как широк спектр эмоций этого поэта, объявшего, вопреки Пруткову, необъятное!

Пока еще идут песочные часы,
и простывает след, и молоко сбегает,
бессмертие не спит у взлетной полосы,
вселенную от нас оберегает.

Несмотря на то, что творчество А. Кабанова представляет собой итог развития сразу нескольких поколений русской поэзии, было бы неправильным заранее отдать ему пальму первенства среди наших современников. Я уверен, что не один, не два, а добрый десяток поэтов способен оказать ему достойную конкуренцию, — и, быть может, когда-нибудь наше время назовут «бронзовым» веком русской поэзии.

2. ЛЮБОВЬ — ТОЛЬКО... ЧАСТЬ РЕЧИ

Безусловно, все стихи любого автора НЕ РАВНОЦЕННЫ.

Поэт — сплошное ухо тишины
с разбитой перепонкой барабанной...

На примере стихов Александра Кабанова становится понятным, почему Пушкина, явись он сейчас, никто не принял бы за великого русского поэта. Язык не современный. Эпитеты банальны. Любовная лирика психологически шагнула далеко вперед, и «я помню чудное мгновенье» уже никого не очаровывает. Более того, Пушкину наверняка за стихотворение «К Чаадаеву» (помните, «товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья, и на обломках самовластья напишут наши имена») рецензенты пришили бы злоупотребление советским пафосом и вынесли суровый вердикт: отстой! Да, повезло, прямо скажем, Александру Сергеевичу, что он родился не сейчас, а двести лет тому назад!

А что же Кабанов, спросите вы? А Кабанов взял — и открыл Амбарную Книгу Зимы. Снег — ни дать, ни взять — живое существо. Он то летит, то стелется; словом, снег ведет самую бурную, бестолковую и безалаберную жизнь. Видимо, подобная безалаберность ему самому порядком надоела — и он на полставки решил устроиться писцом у поэта Кабанова, который заранее решил, что снег будет самым лучшим учетчиком Амбарной Книги Зимы. Помните, учет и контроль — прежде всего!

Вот как намеревался Кабанов «приструнить» такое стихийное и непокорное существо, как снег. Но... снег тоже оказался не лыком шит: он вовремя вспомнил, что у глагола «занести» есть и другое значение. Писать снегу сразу расхотелось — и он принялся всех заносить по-своему, т. е. покрывать собой в изобилии. Или, попросту, «крыть». Кабанов использует фразу «снег заносит» как анафору, как шампур, на который он смачно нанизывает шашлык стихотворения. Прием, конечно, не новый, им с удовольствием пользовались и Лермонтов, и Бродский, и даже, грешным делом, автор этих строк, и все-таки у Кабанова он отливает некой новизной. Все дело в двусмысленности глагола «заносит». Это вносит в стихотворение дополнительный элемент словесной игры.

Открывая амбарную книгу зимы,
снег заносит в нее скрупулезно:
ржавый плуг, потемневшие в холках — холмы,
и тебя, моя радость, по-слезно...

...пьяный в доску забор, от ворот поворот,
баню с видом на крымское утро.
Снег заносит: мычащий, некормленный скот,
наше счастье и прочую утварь.

И на зов счетовода летят из углов —
топоры, плоскогубцы и клещи...
Снег заносит: кацапов, жидов и хохлов —
и другие нехитрые вещи.

Несмотря на бьющую рогом изобилия словесную игру, «Амбарная Книга Зимы» — на мой взгляд, страшно серьезное стихотворение. Игра слов призвана оттенить эту оголтелую серьезность, уравновесить призрачное и материальное, забавное и драматическое. Все равны перед стихией — независимо от национальности и других индивидуальных особенностей. Кого-то снег и впрямь заносит, а кого-то — просто помечает. Неподвижное — заносит. Движущееся — «помечает», и в этом случае он точно подобен писарю. Снег — это словно бы наша судьба.

Надо отметить, что кабановский снег безумно мистичен и ведет себя как последний барабашка: «и на зов счетовода летят из углов топоры, плоскогубцы и клещи». Как мы видим, снег не только подвержен левитации. Он сам способен передвигать вещи! И человеческое счастье оказывается в одном ряду с «прочей утварью». Вспоминается Державин: «Все времени жерлОм пожрется — и общей не уйдет судьбы». И

метафорическое, у Кабанова, «и от вечного холода сердце мое покрывается воском и шерстью» бумерангом словесной игры прочитывается буквально, анти-метафорой: поэт в шерстяном свитере сидит у письменного стола, на котором горит восковая свеча.

Снег, как тонко подметил Александр Кабанов, еще и великий иллюзионист:

«Одинаковым почерком занесены
монастырь и нечистая сила,
будто все — не умрут, будто все — спасены,
а проснешься — исчезнут чернила».

Вспоминается история, приключившаяся однажды с Блоком. Он пошел с женой в цирк, и там жена повздорила с другой женщиной, и вот уже они сцепились из-за какого-то пустяка, вцепились друг дружке в волосы. И тогда Блок громко сказал: «Пойдем, Люба! НИЧЕГО ЭТОГО НЕ БЫЛО».

А вот как сегодня звучит у Кабанова пушкинское «чудное мгновенье»:

Это мгновенье, друг мой, согласен,
Даже стоп-краном не остановить!
(«Вот мы и встретились в самом начале...»)

Мы видим, что любовный пафос прячется у Кабанова за... остроумием. Его любовная лирика — весьма остроумна. Например, строки из стихотворения «Признания».

Скажу тебе: «Изюм» и ты — раздвинешь ноги.
Скажу: «Забудь язык и выучи шиповник,
покуда я в тебе — ребенок и любовник...»

А «трофейный воздух поцелуев»! А вот еще образчик любовного остроумия:

я тебе напишу на хот-доге:
золотую горчицей — о Боге,
о любви — майонезом вчерашним,
я тебе напишу на хот-доге
быстро-быстро, нестрашно-нестрашно.

О любви Александр Кабанов говорит много-много. Но как-то «быстро-быстро». И — мимоходом. Потому что любовь к женщине — для него только часть речи.

3. ИРОНИСТ С ДУШОЮ ТРАГИКА

В Москве состоялась презентация новой книги поэта-мифолога Александра Кабанова. У поэзии Александра есть, на мой взгляд, выдающееся качество — он и всегда современен, и в меру классичен. Такой симбиоз культурных пластов происходит тогда,

когда стихотворцы строят свою поэтику не на голом песке, а на прочном фундаменте разных традиций. У Кабанова порой не до конца понятно, шутит он или говорит всерьез. Я думаю, что и то, и другое. Впрочем, мы уже имеем классический опыт гоголевского «смеха сквозь невидимые миру слезы». У Кабанова же этот гоголевский прием отточен до гротескового звучания.

* * *

Не лепо ли ны б'яшет, братие, начаты старыми словесы:

У первого украинского дракона были усы,
роскошные серебристые усы из загадочного металла,
говорили, что это — сплав сала и кровяной колбасы,
будто время по ним текло и кацапам в рот не попало.

Первого украинского дракона звали Тарас,
весь в чешуе и шипах по самую синюю морду,
эх, красавец-гермафродит, прародитель всех нас,
фамилия Тиранозавренко — опять входит в моду.

Представьте себе просторы ничейной страны,
звериные нравы, гнилой бессловесный морок,
и вот, из драконьего чрева показались слоны,
пританцовывая и трубя «Семь-сорок».

А вслед за слонами, поддатые люди гурьбой,
в татуировках, похожих на вышиванки,
читаем драконью библию: «Вначале был мордобой...
...запорожцы — это первые панки...»

Через абзац: «Когда священный дракон издох,
и взошли над ним звезда Кобзарь и звезда Сердючка,
и укрыл его украинский народный мох,
заискрилась лагерная "колючка",

в поминальный венок вплелась по.бень-трава,
потянулись вражьи руки к драконьим лапам...»
Далее — не разборчиво, так и заканчивается глава
из Послания к жидам и кацапам.

Само название книги Кабанова «happy бездна to you» «венчает» такие разноплановые вещи, как бездна и день рождения, но из словесной игры порой высекаются совершенно иные смыслы, так, что это уже и не игра вовсе, а, как говорят совсем маленькие дети, «игла». И поэт умудряется вдеть в игольное ушко свою путеводную нить. Кабанов-мифотворец, Кабанов-фантаσμαгор, Кабанов-эквилибрист — это все один и тот же человек, щедро одаренный от природы. Нигде не было ни одного объявления о

выступлении поэта, однако «сарафанное радио» на сорочьем хвосте принесло эту весть столь многим людям, что состоялся аншлаг. Александр Кабанов, как типичные Весы, всегда в меру дипломатичен, практически никогда и ни с кем, за редчайшим исключением, не ссорится. Он — объединяющая фигура в русской поэзии, что тоже — большая редкость.

Мне кажется, в ряде стихотворений Александру Кабанову с блеском удалось придать ироническому повествованию трагическое звучание и не утратить при этом чувства меры. Особенно хорошо это заметно в стихотворении о голодоморе. Воистину, он, как эквилибрист, прошелся на большой высоте по туго натянутому канату и смог устоять. Показательно, что Александр никогда не шоуменствует в своих выступлениях, хотя и является одним из родоначальников турниров поэтического слэма.

Я долго вспоминал, что же мне напоминает это «happy бездна to you». И вспомнил. Оказывается, подобные элементы черного юмора были у Владимира Высоцкого. «Тут сорвался вниз — но успел сказать: "Ах, какая же ты близкая и ласковая, альпинистка моя, скалолазка моя. Мы теперь с тобой одной веревкой связаны"». Я думаю, что такие нетривиальные приемы, как гротеск или трагифарс, добавляют поэтике Александра Кабанова, как минимум, еще одно измерение.

[Страница Александра Карпенко в Википедии](#) [Страница Александра Карпенко в Журнальном зале](#)